

Хроники
Аластера Гэяли
Правило трёх

Блинов Кирилл

Кирилл Блинов

Хроники Аластера

Бэйли. Правило трёх

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73188603

SelfPub; 2026

Аннотация

Из столицы в провинциальный городок Маллфорд приезжает Аластер Бэйли, детектив с холодным разумом и привычкой доверять лишь фактам. Его сопровождает Томми, юный рисовальщик, умеющий замечать то, что ускользает от чужих глаз, и сохранять увиденное точнее любой фотографии. Шаг за шагом они распутывают дело, в котором мрачные знаки и шёпот о тайных ритуалах оказываются лишь маской, скрывающей куда более приземлённую, но оттого и более страшную правду.

Содержание

ПРОЛОГ	4
Глава 1.	30
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Кирилл Блинов

Хроники Аластера

Бэйли. Правило трёх

ПРОЛОГ

Шел 1803 год. Лето разлилось по земле таким тяжёлым зноем, будто само небо опустилось ниже обычного и накрыло мир прозрачным стеклянным колпаком. Даже те немногие звуки, что обычно живут в глуши – стрекот кузнечиков, шорох зверьков в высокой траве, перелет птицы – растворились в густом воздухе, словно утонули в горячем молоке. Ветер плыл над полями лениво, неохотно, поднимал сухую пыль едва заметными спиралями и осторожно трогал золотистые головки трав, рассыпанные вдоль пустой дороги подобно забытым кем-то праздничным монетам.

Небо стояло бледно-голубое, хрупкое и почти прозрачное, будто лист пергамента, истончённый временем. Немногочисленные облака растекались на нём бесформенными акварельными мазками. Солнце висело над землёй тяжёлое и безмолвное, словно расплавленный золотой круг, удерживаемый в вышине невидимой силой. От его неослабевающего сияния дальние холмы мерцали лёгкой дрожью, будто их

очертания рассматривали сквозь прозрачное, колышущееся от зноя стекло. Птицы, обычно неустойчивые и шумные, словно поддались общей дремоте природы; они прятались глубже в густых зарослях и лишь изредка одинокий крик прорезал неподвижный воздух. Казалось, сама земля замерла в ожидании прохлады, затаив дыхание посреди бескрайней летней тишины.

Карета медленно катилась по каменному мосту, отмеряя шаги своих колес с той степенностью, с какой человек взвешивает каждый факт перед тем, как сделать заключение. Каждое колесо ударялось о неровность мостовой и отвечало едва слышимым стуком, который складывался в ровный, почти гипнотический ритм. При движении кабина слегка покачивалась, и кожаные ремни подскакивали вместе с мелкими вздрагиваниями полозьев; внутри можно было угадать запах старой ткани, тонкую кислинку дорожной пыли и терпкий аромат лошадиного пота, смешанный с запахом смычка и воска. Тонкие тени от перил пролегали по дощатому полу, словно полосы старой карты, и мне представлялось, что под мостом вода течет не просто рекой, а скрывает под собой истории, бесследно уносимые в тёмные глубины.

Карета была запряжена вороными жеребцами, и наблюдать за ними было равноценно внимательному изучению свидетелей у важного дела. Их шерстка блестела от пота, как отполированный чёрный лак; мускулы на груди и плечах волнами переходили друг в друга при каждом шаге. Они шли

не спеша, но не без достоинства, постукивая копытами по камню ровным, уверенным тактом. Ноздри их часто раздувались, выпуская пар в тёплый воздух, а уши двигались, ловя каждый шорох, словно животные не только несли груз, но и непрерывно оценивали обстановку вокруг. Хвосты то и дело отгоняли мух, а у подхвостовых складок собирался лёгкий налёт пота, который, подсыхая, оставлял на коже тонкие полосы. Повозчик держал в руках узды крепко, но без натуги; иногда он слегка щёлкал хлыстом, не чтобы заставить лошадей ускориться, а чтобы мягко подчеркнуть направление, как опытный сыщик указывает путь долгой логической цепочки.

Внутри кареты царил мягкий полумрак, скользящий по стенам при каждом покачивании, будто сама дорога тихо дышала под колёсами. В этой колеблющейся тени мальчик выделялся удивительной сосредоточенностью, словно для него движение кареты было не помехой, а естественным ритмом работы.

Он был худощав, с тонкими, чёткими чертами лица, в которых необычным образом сочетались юность и внимательность. Его светлые глаза, казалось, впитывали каждую мелочь – линию света на занавеске, дрожание стенки, форму пылинки, пойманной солнечным лучом. В этих глазах не было рассеянности, присущей большинству детей; напротив, там жила привычка наблюдать, сопоставлять, удерживать. Тёмные волосы спадали на лоб мягкими прядями. Стоило

карете особенно качнуться, как он лёгким движением поправлял их – будто жест был отточен годами.

Но сильнее всего о нём говорили его руки. Длинные, гибкие пальцы были испачканы тонким серым налётом – следом постоянного труда. На коже у ногтей заметен был тёмный графит, въевшийся так глубоко, что ни вода, ни дорожная тряска его не побеждали. Эти руки двигались осторожно, уверенно, словно обладали собственной памятью.

На коленях у мальчика лежала толстая тетрадь, уже заметно потёртая от многочисленных путешествий и работы. Листы в ней были плотные, некоторые чуть загнуты, некоторые исполосованы тонкими штрихами. И каждый из этих штрихов говорил о том, что его автор не просто рисовал – он изучал. В рисунках угадывался взгляд человека, который всегда ищет закономерность: точную форму тени, верное направление линии, характер изгиба дерева или силуэт далёкого холма.

В руках он держал простой графитовый карандаш – тот самый, которым пользовались дорожные рисовальщики и чертёжники. Деревянная оправка была местами потемневшей от частого прикосновения пальцев, а кончик грифеля сточен до тончайшей остроты, как нож, которым работает опытный ремесленник. Мальчик водил им по бумаге легко, но с внутренней решимостью. Карета подбрасывала его на кочках, линии порой дрогли, но он лишь терпеливо уточнял их, будто каждое непредвиденное движение дороги бы-

ло ещё одним испытанием точности.

В его облике и в том, как он работал, чувствовалась редкая склонность: он видел в мире не просто поверхность, а структуру, и пытался перенести её на бумагу. Можно было безошибочно сказать – этот мальчик рисовал много, часто, с той настойчивостью, которая превращает простое увлечение в мастерство.

– Томми, ты закончил? – негромко спросил попутчик, обращаясь к мальчику так, словно каждое слово должно лечь на своё точное место.

Мальчик кивнул и ответил тихим, уважительным голосом:

– Да, мистер Бэйли.

Имя Аластер Бэйли обладало тем особенным весом, который присущ только людям редкого склада ума. В его звучании было что-то от холодного утреннего ветра над побережьем и от строгой уверенности человека, привыкшего не гадать, а устанавливать. Он сидел неподвижно, но в этой неподвижности не было ни высокомерия, ни ненужной чопорности, а лишь пружинящая внутренний склад собранность, подобная аккуратно заведённому механизму, что никогда не даёт сбоя.

Лицо Аластера было чётким, тщательно вылепленным природой будто для наблюдения: высокий лоб, прямой нос, тонкие губы, сдержанные в выражении, но не сухие; глаза – стальные, холодноватые, обладающие редкой способностью

фиксировать предмет так, словно высекали его очертания на невидимой пластине. Эти глаза умели задерживаться ровно настолько, чтобы вынести заключение, и уходили дальше, освобождая ум для следующего шага. Волосы его, тёмные и гладко зачёсанные, светились лёгким серебром у висков – не от возраста, а скорее от бесконечных часов, проведённых в сосредоточенных наблюдениях и ночных размышлениях.

Одежда мистера Бэйли была подобрана так же строго, как и его рассуждения. Он носил глубокий, насыщенно-зелёный камзол, сшитый так аккуратно, что каждый стежок казался частью некоего тайного геометрического расчёта. Поверх камзола лежал тяжёлый дорожный плащ, длинный, с жёсткими подплечниками, которые придавали фигуре собранность и не позволяли ткани обвиснуть от пыли и тряски. Бархатный воротник плаща чуть поблёскивал, когда Аластер поворачивал голову, и этот мягкий отблеск рифмовался с матовым блеском его тёмного дамасского жилета. На шее был перевязан платок, узел которого был настолько ровен и безукоризнен, что мог бы служить меркой для портного.

Головной убор Аластера выделял его даже среди хорошо одетых людей. Треугольная шляпа из плотного тёмного сукна была подогнана безукоризненно. По её краю можно было заметить следы тонкой работы: едва светлую линию клея, маленькие вдавленные точки – результат частой корректировки положения – и почти невидимое пятнышко от графита. Эта шляпа была не украшением, а частью его метода –

знаком точности и внутреннего распорядка.

Но ничто не говорило об Аластере столь выразительно, как большой кожаный футляр у его ног. На первый взгляд он мог бы показаться обычным дорожным ящиком, однако стоило открыть крышку, чтобы понять: перед вами не багаж, а тщательно собранный кабинет наблюдателя, чья страсть к деталям перешагивает пределы простого ремесла.

Большая часть очков в футляре была, по правде сказать, скорее украшением, чем практическим инструментом. Аластер Бэйли, человек точного ума и строгой дисциплины, обладал странной любовью к самому разнообразию этих стеклянных помощников. В футляре рядами лежали оправы разных форм – круглые, вытянутые, треугольные, даже немного нелепые, словно созданные ради каприза или эстетического удовольствия. Он почти никогда не использовал их в деле, но хранил так, как коллекционер хранит драгоценные камни.

По-настоящему ценными для него были линзы – разложенные ровными ячейками, каждая в мягкой тряпичной оболочке. Они отличались не только формой, но и цветом, словно отпечатками различного состояния мира. Были линзы прозрачные, дававшие предельно чистый холодный фокус; чёрные, приглушавшие свет до тёмного бархата; глубокие синие, через которые пейзаж становился строже, а линии – решительнее. Были линзы зелёные, которые оживляли тени и делали мир чуть плотнее. Розовые, странные на

вид, придавали предметам мягкую пульсацию света, словно вызывали скрытую нежность в вещах, казавшихся прежде грубыми. Жёлтые оживляли мельчайшие контуры, выделяя тёплые тона, которые обычный взгляд не различает. Были и совсем редкие – фиолетовые, дымчатые, молочные, создающие настолько особенные оттенки реальности, что сами по себе были уже инструментом анализа.

Каждая линза лежала в футляре как маленькая вселенная, и Аластер Бэйли дорожил ими с трепетной, почти суеверной преданностью. Он протирал их сам, укладывал сам, осматривал на свет так скрупулёзно, будто проверял здоровье живых существ. И никому – ни другу, ни помощнику, ни уважаемому коллеге – не разрешал даже прикоснуться к ним. Эти линзы не были просто инструментом. Они были продолжением его взгляда и, возможно, даже его сердца.

Манеры его были спокойны и выверены. Каждое его слово звучало так, будто оно уже прошло проверку логикой. В свете дрожащей дорожной пыли Аластер Бэйли представлял собой фигуру, которая видела там, где остальные просто смотрели, и понимала там, где другие лишь удивлялись. Таков был человек, рядом с которым даже молчание казалось частью расследования.

– Ну что ж, Томми, – произнёс мистер Бэйли ровным, внимательным тоном. – Давай посмотрим, что у тебя получилось.

Мальчик молча протянул ему тетрадь. Аластер взял лист

осторожно, как принимает вещь, требующую прежде всего уважения к труду, и наклонил его к свету, пробивавшемуся сквозь ткань занавески.

На рисунке был изображён угол одной из улиц Лондейла. Узкая брусчатая мостовая, влажная от ночной сырости, тянулась между высокими домами, чьи стены казались толще тени, что лежала на них. Томми передал их не столько линиями, сколько настроением: неровный контур кирпича, мелкие трещины в кладке, тусклый отблеск фонаря на одном из карнизов.

В центре сцены лежало тело молодой девушки. Томми изобразил её с поразительной точностью: подогнутая нога, неестественный разворот ладони, словно рука ещё пыталась что-то удержать, и прядь волос, сползшая на лицо. Он отметил каждый изгиб, каждую тень, разницу в глубине складок на платье – всё то, что взгляд обычного прохожего обратил бы в расплывчатое впечатление, а не в конкретику.

Особое внимание он уделил затылку девушки. Там, среди тщательно прорисованных прядей, была видна аккуратная, глубоко прорисованная рана. Томми скрупулёзно отметил тёмный ореол вокруг неё, передав тяжесть удара, который был нанесён чем-то узким и твёрдым.

Рядом на мостовой он нарисовал то, что оставила девушка в падении: осколки разбитой бутылки. Стекло было проработано тонкими, острыми штрихами. Одни осколки лежали кучно, другие были разбросаны дугой, как будто сосуд вы-

скользнул из руки в самый последний момент. Томми даже отметил перелив света на двух крупных кусках – так делал только тот, кто видел стекло не как предмет, а как форму света.

На втором листе, более тонком и плотном, Томми вывел крупные, тщательно проработанные детали, словно приближая глазу то, что обычно скрывается от невооружённого взгляда.

Прежде всего бросалась в глаза рана на затылке девушки: не грубая, не размашистая, а точная, будто нанесённая рукой человека, знающего, куда бить. Томми передал её тонкими, уверенными штрихами, обозначив сухой, чистый разрыв кожи и лёгкую тень вокруг – немой отпечаток силы, вложенной в удар.

Рядом мальчик изобразил фрагмент ткани на плече девушки. Он не стал перегружать рисунок догадками – лишь лёгким смещением нити, едва заметной складкой показал, что за этот участок кто-то мог схватить её, удержать или дёрнуть. Строчка ткани по его линии будто дрожала – так умело он передал напряжение мгновения, застывшего в материи.

Ниже Томми нарисовал осколки стекла – каждый со своей формой и блеском. Некоторые были большими, с острыми краями, словно только что раскололись с сухим треском. Другие – совсем мелкие, похожие на ледяную крошку. Он штриховал их так тонко, что создавалось ощущение, будто эти осколки вот-вот зазвенят под давлением шагов.

Последним элементом была пролитая жидкость. Томми не просто вывел пятно – он показал, как оно растекается, как темнота его постепенно впитывается в брусчатку. Края пятна неровные, живые, слегка прозрачные по толщине, будто оно ещё продолжает двигаться, расширяясь по камню. В этой тени угадывался отблеск разбитой бутылки, последние мгновения её наполнения.

Каждая деталь, вынесенная на этот лист, словно принадлежала не рисунку, а настоящему месту преступления, застывшему во времени и перенесённому на бумагу рукой человека, который видит мир не как картинку – а как цепь следствий и причин.

Аластер Бэйли задержал взгляд на одном из штрихов, затем вернул лист мальчику без единого слова – и это было лучшей похвалой, какую он мог дать.

– Мистер Бэйли... – нерешительно начал Томми, всё ещё держа тетрадь прижатой к груди. – Зачем же вы попросили меня нарисовать это место преступления?

Аластер поднял взгляд. Он делал это всегда медленно, будто сначала доводил до конца внутреннюю мысль, и только потом позволял глазам вступить в разговор.

– Скажи мне, Томми, – произнёс он ровно, – когда произошло это убийство? Ты помнишь?

Мальчик нахмурил брови, провёл пальцем по переплёту тетради, словно пытаясь извлечь из неё нужную дату.

– Кажется... это было в первой половине сентября 1802

года.

– Верно, – кивнул Бэйли. – Одиннадцатого сентября, приблизительно в половину десятого вечера. По крайней мере, так утверждал тот пьяница, который и обнаружил тело девушки. Её звали... – он замолчал на мгновение, будто отдавая дань памяти, – Маргарет Кардэйл.

Томми сжал листы в руках.

– Но... – пробормотал он, – вы же тогда отказались расследовать это дело. Так почему же сейчас решили о нём вспомнить?

Карета тряхнулась на неровности дороги, но Аластер не отклонился ни на дюйм.

– Потому что тогда, Томми, – медленно произнёс он, – мне задали неверный вопрос. А неверный вопрос всегда ведёт к неверному выводу.

Мальчик не сразу ответил. Потом, собравшись с духом, продолжил:

– Но тот пьяница... о котором вы упомянули... полиция арестовала именно его, как главного подозреваемого.

Аластер слегка дернул уголком губ – жест настолько тонкий, что его можно было принять за тень улыбки или тень досады.

– Он не убивал мисс Кардэйл.

– Но... – Томми вскинул голову, в его глазах была тревога и искреннее непонимание, – на его руках и одежде нашли кровь. Вероятно, это была кровь убитой.

Аластер Бэйли отвернулся к окну. Свет падал на его профиль так, что казалось – он рассматривает не пейзаж за окном, а строки некой внутренней книги.

– Кровь, – произнёс он почти задумчиво, – нередко связывает человека с преступлением. Но, Томми... – он повернулся, и его глаза вновь стали холодными и предельно ясными, – кровь на руках ещё не делает человека убийцей.

Томми некоторое время молчал. Он смотрел на рисунки так, словно видел их впервые, и наконец произнёс осторожно, почти шёпотом:

– Судя по всему, вы знаете, кто убил мисс Кардэйл. Но почему же тогда вы отказались расследовать это дело? Из-за вас арестовали человека, который, возможно, был ни в чём не виновен.

Аластер Бэйли не изменился в лице. Его холодная сдержанность была не жестокостью, а привычкой ума, выработанной годами наблюдений.

– Я раскрыл это преступление на следующий день, ответил он спокойно. И, признаться, это было нетрудно.

Он замолчал на мгновение, словно позволял воспоминанию занять своё место.

– Но именно поэтому оно и отпечаталось в моём сознании. В тот день я впервые отступил от собственных принципов.

Томми поднял на него глаза.

– Я не совсем понимаю, к чему вы клоните, мистер Бэйли.

Бэйли слегка наклонил голову, будто взвешивал, с чего начать.

– Ты ведь помнишь, Томми. Нет, ты точно помнишь, как выглядело место преступления.

Вопрос был риторическим. Ответ уже содержался в самом тоне его голоса.

– Тело мисс Кардэйл лежало лицом к земле, продолжил он. А травма находилась на затылке. Уже одно это исключает множество поспешных версий. Удар был нанесён тяжёлым предметом в затылочную часть головы. Это очевидно. Но куда важнее другое.

Он сделал паузу.

– Если человека бьют сзади, удар почти всегда наносится сверху вниз. Так устроено тело. Так действует рука. Удар снизу вверх не только неудобен, он противоестественен. Его трудно выполнить, особенно в темноте и особенно внезапно.

Томми слушал, затаив дыхание.

– Теперь предположим, продолжал Бэйли, что убийцей был тот самый пьяница. Его, кстати, звали Сэмюэл Пайк. Человек грубый, неумеренный, но предсказуемый. Если бы он решился на убийство, цель была бы одна. Грабёж.

Томми перевёл взгляд на тетрадь.

– Но у мисс Кардэйл в тот вечер при себе не было ни денег, ни украшений. Лишь бутылка джина, купленная в кошачьей налевайке. Дешёвое пойло, которое обычно пьют ради забвения.

Бэйли чуть прищурился.

– Если бы Пайк хотел завладеть бутылкой, он не стал бы бить её по затылку. Удар сзади гарантировал бы одно. Она с высокой доли вероятности выронит бутылку. Стекло разобьётся, и вся его добыча окажется на мостовой. Ни один пьяница, даже самый отчаянный, не действует вопреки собственной выгоде.

Он замолчал.

– Вот почему я знал, Томми, что Сэмюэл Пайк не убийца. Не потому, что он был добродетелен. А потому, что логика его поступков не совпадала с тем, что произошло на той самой улице Лондейла.

В карете снова воцарилась тишина. Но теперь она была иной. Это была тишина, в которой каждая деталь уже заняла своё место, и истина, ещё не названная вслух, начинала медленно проступать сквозь рассуждения, как рисунок под рукой терпеливого художника. Томми некоторое время молчал, затем поднял взгляд и тихо спросил:

– Откуда вам было известно, что у мисс Кардэйл при себе ничего не было и что Пайк её всё-таки не обокрал?

Аластер Бэйли ответил не сразу. Его взгляд скользнул в сторону, словно он вновь увидел ту узкую улицу Лондейла, освещённую редкими фонарями.

– Есть простое правило, Томми, – произнёс он наконец. – Всё по-настоящему ценное человек обычно носит под рукой. А точнее, в передних карманах, ближе к телу, там, куда мож-

но дотянуться мгновенно. Деньги, ключи, мелкие личные вещи. Всё остальное вторично.

Он сделал короткую паузу.

– Тело мисс Кардэйл почти не трогали. Почти.

Томми невольно напрягся.

– Сэмюэл Пайк, – продолжил Бэйли тем же ровным тоном, – действительно прикоснулся к ней. Когда он нашёл тело, он попытался перевернуть его. Потянул за плечо платья, но ткань была старая и не выдержала, она оторвалась у него в руках. Он бы попробовал ещё раз, но в этот момент увидел патрульных полицейских.

Он слегка качнул головой.

– Тогда он понял, что уже поздно. Та добыча, о которой он мог подумать, ушла. И в этот момент в его голове возникла другая мысль. Он нашёл тело. Он знал, что не убивал её. Значит, он решил, его не смогут обвинить. Он остался на месте преступления. Худшее решение, которое может принять человек, уверенный в собственной невинности.

Томми задумался, затем спросил:

– И как же вы тогда нашли убийцу?

Бэйли повернулся к нему и посмотрел прямо, без тени колебаний.

– Я не говорил, что нашёл убийцу. И не могу сказать этого даже сейчас, спустя год.

Мальчик растерянно нахмурился.

– Я не совсем понимаю, мистер Бэйли.

– Понимаю, – спокойно ответил Аластер. – Это звучит странно. Но мисс Кардэйл никто не убивал. По крайней мере намеренно.

Он сделал паузу, позволяя словам осесть.

– Она умерла по страшно случайному стечению обстоятельств.

Карета качнулась на ухабе, и за окном продолжали тянуться выжженные зноем поля, равнодушные к человеческим трагедиям. Бэйли заговорил снова, и теперь его голос звучал так, словно он выстраивал окончательное заключение.

Томми некоторое время молчал, затем негромко спросил:

– Но как же всё-таки умерла госпожа Кардэйл?

Аластер Бэйли слегка наклонил голову, словно этот вопрос был давно ожидаем.

– Как я уже говорил, Томми, мисс Кардэйл вышла тем вечером за дешёвым джином в местную налевайку. Получив бутылку, она сразу направилась домой. Днём ранее она поссорилась со своим женихом, поэтому была расстроена и хотела залить своё горе алкоголем.

Он говорил спокойно, выстраивая мысль шаг за шагом.

– Её мысли были заняты ссорой. Не дорогой, не улицей и не окружающим её миром. Она не смотрела по сторонам, когда переходила дорогу. Это обычное состояние для человека, чьё внимание захвачено переживаниями. И, к сожалению, это не редкость. Чувства часто оказываются куда опаснее темноты.

Бэйли сделал короткую паузу.

– И здесь вступает в дело то самое страшное стечение обстоятельств. В тот вечер домой спешила женщина по имени Мэрион Хэллоуэй. Она вела повозку, возвращаясь с работы. Но торопилась она не из беспечности.

Томми внимательно слушал.

– Дома у неё лежала дочь, сломленная жаром. Сильная лихорадка держала девочку уже вторые сутки. Мэрион боялась оставить её одну дольше необходимого.

Голос Бэйли оставался ровным.

– На той самой мостовой, где нашли тело мисс Кардэйл имелась небольшая выбоина. Незаметная днём и коварная или может лучше сказать роковая в сумерках. Колесо повозки попало именно в неё. Повозку резко тряхнуло. Внутри лежали рабочие инструменты. Среди них был тяжёлый металлический мотыжник, ручное орудие для возделывания земли. При толчке он подскочил, развернулся и, подчиняясь одной лишь инерции, вылетел за край борта, но черенок остался в повозке.

Бэйли поднял взгляд.

– Мисс Кардэйл оказалась именно там, где не должна была быть ни одна живая душа.

Томми нахмурился и спросил:

– Но почему эта женщина даже не остановилась?

Аластер посмотрел на него почти с мягким удивлением.

– Ты всё ещё не понял?

Он покачал головой.

– Потому что она этого просто не заметила. Для неё это был лишь резкий толчок на плохой дороге. И к тому же мысли её были уже дома, у постели больного ребёнка.

Он добавил тихо:

– Мэрион Хэллоуэй поехала дальше, не зная, что за её спиной осталась смерть. Это не банальное преступление, ведь в нём я не могу проследить хоть какой-то умысел. А вижу лишь цепь обстоятельств, в которой человеческая спешка и судьба совпали в один роковой миг.

Томми замолчал, понимая, что перед ним была правда, слишком сложная и слишком человеческая, чтобы уместиться в рамки обычного обвинения.

– Но всё это не отменяет того факта, что полиция задержала невиновного человека. И вы при этом не вмешались, мистер Бэйли. Почему? Вы ведь знали правду.

Аластер Бэйли ответил не сразу. Его лицо осталось неподвижным, словно вопрос не задел его вовсе.

– А кому стало бы лучше от этой правды? – произнёс он наконец, совершенно бесстрастно.

Он говорил не оправдываясь и не защищаясь, а так, будто излагал вывод, к которому невозможно прийти иначе.

– Миссис Хэллоуэй, – продолжил он, употребляя обращение с точной, почти холодной вежливостью, – хороший человек. У неё трое детей. И она растит их одна. Её муж ушёл из семьи ещё три года назад и с тех пор она работает каждый

день, не щадя себя, лишь бы прокормить своих детей.

Томми слушал, не перебивая.

– Я говорил с ней. На ферме, где она работает. Она добра и очень терпелива. В её жизни нет ни тайных выгод, ни злых намерений. Есть только усталость, страх за больного ребёнка и бесконечная обязанность идти вперёд, несмотря ни на что.

Бэйли слегка повернул голову.

– Теперь посмотрим на Сэмюэла Пайка. Пьяница. Человек, который каждый вечер возвращается домой, чтобы выместить свою злость на собственной жене и сыне. Кстати, кровь на его руках и одежде в день смерти мисс Кардэйл была именно их. Он бил их не из нужды. И далеко не из чувства собственного отчаяния. А лишь ради ощущения силы. Ради краткого иллюзорного превосходства хоть над кем-то.

Он говорил всё так же ровно.

– Я посчитал, что его отсутствие не разрушило бы семью. Напротив. Без него им стало бы намного легче.

Томми с трудом проглотил ком в горле.

– Но... это ведь несправедливо.

Аластер посмотрел на него пристально, и в этом взгляде не было ни жестокости, ни сожаления, а лишь трезвость.

– Ты абсолютно прав, Томми. Это не справедливо. Но справедливость это понятие всегда относительное.

Он сделал паузу.

– Закон ищет виновного. Жизнь же распределяет последствия. Я видел обе стороны. И сделал выбор не как хладно-

кровный и бесчувственный сыщик, а как обыкновенный человек.

Он слегка понизил голос.

– В тот день я понял, что истина, произнесённая вслух, способна причинить куда больше вреда, чем лживое молчание. И это было первое дело, в котором я позволил логике уступить месту ответственности.

– Кстати, Томми, – произнёс Аластер после короткой паузы, – ты ведь понял, как именно я вышел на след миссис Хэллоуэй?

Мальчик задумался лишь на мгновение, затем ответил осторожно, подбирая слова:

– Смею предположить, что вы обнаружили следы земли в ране мисс Кардэйл.

Бэйли едва заметно кивнул, поощряя ход мысли.

– Но, – тут же продолжил Томми, – как вы поняли, что это была земля именно с инструмента миссис Хэллоуэй? В окрестностях Лондейла немало фермерских хозяйств. Почва могла быть откуда угодно.

Аластер Бэйли слегка прищурился. В его взгляде мелькнуло то редкое выражение удовлетворения, которое появляется у учителя, когда ученик задаёт правильный вопрос.

– Потому что это была не просто земля, Томми, – сказал он. – Это была почва.

Он произнёс это слово так, будто между ней и обычной грязью лежала пропасть.

– Почва всегда рассказывает о месте, откуда она родом, – продолжил Бэйли. – Нужно лишь уметь её слушать. Цвет говорит о составе. Тяжёлый, тёмный оттенок указывает на перегной, значит – земля долго возделывалась. Мелкая зернистость говорит о близости воды, о том, что участок регулярно насыщается влагой, но не затапливается полностью.

Он загнул один палец.

– Запах. Почва у рек и низин всегда пахнет иначе, в ней есть холодная сырость, даже если она высохла. Здесь же запах был тёплый, плотный, с примесью глины.

Второй палец.

– Каменные включения. В найденных частицах были мельчайшие известковые вкрапления. Такие встречаются только в южных фермерских угодьях Лондейла, где почву столетиями удобряли дроблёным мелом.

Третий.

– В земле обнаружили волокна сухой соломы и мелкие корни кормовых трав. Не луговых. Именно тех, что выращивают для скота.

– Но главное, – продолжил Бэйли, – было другое.

Он чуть наклонился вперёд.

– В образце присутствовала костная мука из рыбьих костей. Мелкая, почти пылеобразная. Такой удобряют землю нечасто и далеко не все. Запах у неё особый, а структура узнаваемая.

Томми нахмурился.

– И ей пользуется лишь один фермер в округе, – спокойно добавил Бэйли. – Старый Исаак Мэрроу. Он перемалывает рыбы кости с пристани и удобряет полученной мукой свои поля.

Он ненадолго замолчал.

– Так я и нашёл ферму, где трудиться миссис Хэллоуэй.

Карету снова тряхнуло на неровности дороги. За узким окном медленно тянулись выцветшие от зноя поля, неподвижные и безмолвные. Томми молчал, и в этом молчании рождалось понимание: истина может скрываться в самой незначительной мелочи, если смотреть на неё не взглядом случайного прохожего, а умом человека, умеющего задавать миру точные вопросы.

Карета замедлила ход, несколько раз глухо качнулась и остановилась окончательно. Почти сразу по стенке раздался короткий, уверенный стук – не торопливый и не показной, а такой, каким пользуются люди, знающие своё дело и не нуждающиеся в словах.

– Прибыли, сэр, – произнёс хриловатый голос.

Извозчика звали Гидеон Кроуфорд. Он был стар, но возраст его выражался не в немощи, а в плотной, сухой основательности. Невысокий, жилистый, с прямой спиной, он носил широкополую шляпу тёмного сукна, потёртую по краям, но вычищенную до последней нитки. Его костюм давно вышел из моды и пережил не одну заплатку, однако был безукоризненно ухожен. Ткань выцвела, локти были отполированы

временем, швы укреплены грубой, но аккуратной строчкой – всё говорило о человеке, который чинит вещи не из нужды, а из уважения к порядку.

Лицо Кроуфорда напоминало старую древесину, пережившую не один сезон. Глубокие морщины пересекали щеки и лоб, скулы выступали резко, подбородок был твёрдым, а серые глаза смотрели внимательно и спокойно, словно привыкли видеть больше, чем положено. В уголках глаз пряталась наблюдательность, отточенная долгими годами дороги. В зубах у него почти неизменно торчала короткая глиняная трубка. Он смолил её медленно и основательно, втягивая табачный дым глубоко и выпуская его тяжёлыми, плотными клубами, пропитанными резким запахом крепкого, дешёвого табака. Этот дым окружал его постоянно, словно естественная часть облика.

Мистер Бэйли распахнул дверцу кареты и вышел первым. Он кивнул Кроуфорду сдержанно, но с заметной теплотой.

– Благодарю, Гидеон. Как всегда, без задержек.

– Если бы тот идиот не завалил дерево на дорогу, прибыли бы раньше, – ответил извозчик, чуть сдвигая трубку уголком рта.

Они знали друг друга давно. Гидеон возил Бэйли не первый год, не задавая вопросов и не требуя объяснений. Этого было достаточно, чтобы между ними существовало негласное доверие. Томми выбрался следом.

Они прибыли в Маллфорд – место, которое по привыч-

ке называли городком, хотя по сути оно больше походило на разросшуюся деревню. Население его едва насчитывало около шестисот душ, и каждый здесь знал не только лица соседей, но и их привычки, долги и тайные слабости. Маллфорд вытянулся вдоль дороги и собирался вокруг одной единственной площади, служившей сразу всем: рынком, перекрёстком и местом людских встреч.

Площадь была неровной и изношенной. Камень мостовой местами выступал наружу, местами уступал утоптанной земле, перемешанной с грязью и соломой. По краям стояли низкие дома с узкими окнами, почерневшими от времени. Штукатурка на стенах облупилась, обнажая кирпич и старую кладку. В воздухе висел тяжёлый, честный запах навоза, сырости, дыма, кислого хлеба и человеческого труда.

С одной стороны площади находилась таверна с покосившейся вывеской. Доска скрипела от ветра, надпись давно стёрлась, но дверь была распахнута настежь. Изнутри доносились приглушённые голоса и глухой звон кружек о стол. Чуть в стороне располагался постоялый двор – массивный, двухэтажный, с широкими воротами и стойким запахом лошадей. У его стены висели мокрые плащи и попоны, сушившиеся без всякой заботы.

На противоположной стороне площади стояла церковь. Небольшая, каменная и суровая. Без украшений и излишеств. Её ступени были стёрты до гладкости, а колокол потемнел от времени и копоти. Она не украшала площадь и не

стремилась к этому, а лишь напоминала о порядке, которого здесь придерживались не по благочестию, а скорее из необходимости.

Людей было немного. Несколько торговцев собирали остатки товара. Женщина, согнувшись, тащила ведро с водой. Дети сидели прямо на земле, не играя, а молча наблюдая за происходящим вокруг.

Это было место без притворства. Здесь не украшали бедность и не скрывали усталость. Жизнь шла медленно, тяжело и без лишних слов.

Мистер Бэйли окинул площадь коротким, внимательным взглядом – таким, каким оценивают не красоту, а устройство. Этого взгляда было достаточно, чтобы понять, где здесь пьют, где молятся, где ночуют и где предпочитают молчать.

– Мы на месте, Томми, – сказал он негромко.

Глава 1.

Едва мистер Бэйли и Томми успели сделать несколько шагов по площади, как тишину Маллфорда нарушил резкий, чрезмерно бодрый голос.

– Мистер Бэйли!

– Мистер Бэйли, сюда!

Крик доносился с противоположного конца площади, и сопровождался столь энергичным размахиванием руки, будто человек намеревался не столько привлечь внимание, сколько подать сигнал кораблю в тумане. Фигура, принадлежавшая этому голосу, двигалась к ним с заметной поспешностью, подпрыгивая на каждом шаге, а за ней, стараясь сохранять видимость достоинства, следовали двое мужчин крепкого сложения – очевидно, из местной охраны.

Сам крикун был мужчиной лет пятидесяти, может быть, чуть старше. Невысокий, плотный, с начинающейся полнотой, которая придавала ему вид человека, живущего в постоянном компромиссе между аппетитом и совестью. Лицо его было гладко выбрито, розоватое, с выражением живой важности, словно он находился в непрерывном ожидании признания собственных заслуг. Щёки чуть отвисали, подбородок стремился удвоиться, а на лбу поблёскивали капли пота – не столько от жары, сколько от усердия.

Одет он был безупречно для такого места. Камзол из доб-

ротной ткани, хотя и слишком плотно застёгнутый на животе, был тщательно вычищен. Жилет – светлый, почти нарядный, а башмаки были начищены до такого блеска, который редко встречается в деревне, где грязь считается естественным состоянием мира. Всё в его облике говорило о человеке, который не работает руками и крайне дорожит тем, чтобы это было заметно.

Мистеру Бэйли хватило одного взгляда, чтобы всё понять. Слишком ухожен для фермера. Слишком суетлив для священника. Слишком уверен в праве быть замеченным для простого лавочника. И, разумеется, сопровождается охраной. Мэр, – заключил он без малейшего усилия.

Человек, наконец, приблизился, шумно перевёл дыхание и, не дожидаясь вопросов, расплылся в улыбке.

– Мистер Аластер Бэйли! – произнёс он с подчёркнутым восторгом. – Какое счастье, что вы всё-таки прибыли!

Он поспешно поклонился, едва не потеряв равновесие, затем выпрямился и торжественно произнёс:

– Позвольте представиться. Гарольд Уикем, мэр Маллфорда.

– Аластер Бэйли, – спокойно представился он, – а это Томми, мой спутник.

Гарольд бросил быстрый взгляд на Томми, словно оценивая, достоин ли тот присутствовать при разговоре, затем продолжил:

– Именно я имел честь написать вам письмо с просьбой о

помощи. Уверяю вас, обстоятельства у нас... – он понизил голос и выразительно округлил глаза, – весьма тревожные.

Двое его спутников остановились чуть поодаль, изображая суровую неподвижность, хотя один из них явно разглядывал таверну, а другой – постоялый двор.

Мистер Бэйли вежливо кивнул.

– Я это понял ещё по почерку, – спокойно сказал он.

Мэр Уикем моргнул, но тут же снова улыбнулся, не совсем понимая, что именно имел ввиду мистер Бэйли.

– Прошу вас, сэр, – продолжил он с важностью, – пойдёмте. Здесь не место для разговоров о подобных делах.

Бэйли посмотрел на него внимательнее, и в этом взгляде уже начиналась работа мысли: волнение мэра, излишняя спешка, охрана, показная учтивость – всё это говорило о страхе, тщательно прикрытом должностью и напудренным внешнем видом.

– Разумеется, – ответил он ровно. – Ведите.

Томми заметил, что мистер Бэйли уже знал куда больше, чем ему только что сообщили.

Они двинулись через площадь неторопливым шагом. Мэр шёл чуть впереди, то и дело оглядываясь, словно боялся потерять внимание мистера Бэйли хотя бы на мгновение. Двое его спутников держались по бокам, создавая впечатление важности, но на деле лишь подчёркивая провинциальность происходящего.

– Маллфорд, сэр, – начал Гарольд Уикем с тем особым

жаром, каким говорят люди, давно выучившие историю наизусть и не упускающие случая её пересказать, – место старое, куда старше, чем кажется на первый взгляд. Изначально он походил скорее на стоянку. Более ста лет назад здесь обнаружили залежи угля. Чистого, плотного, легко поддающегося добыче.

Он сделал широкий жест рукой, словно указывал не на дома, а на невидимые под землёй пласты.

– Сначала были ямы, затем и шахты. Потом пришли большие деньги. А за деньгами потянулись люди. Всё как всегда.

Бэйли слушал молча. Его взгляд скользил по домам, по изношенной мостовой, по лицам прохожих. История городка совсем не подтверждалась каждым штрихом окружающего.

– Город рос быстро, – продолжал мэр. – Слишком быстро. Дома строились вплотную, без особого расчёта. Работали все. Мужчины – в шахтах, женщины – на сортировке угля, дети... – он замялся, – помогали, чем могли.

Они свернули с площади на более узкую улицу.

– А теперь, – голос Уикема стал ниже, – всё меняется. Большая часть шахт уже выработана. Глубже копать дорого и опасно. Люди потихоньку уезжают. Кто в крупные города, кто к родственникам в соседние поселения. Остались лишь фермеры, ремесленники, кузнецы да старые плотники. Некоторые держатся за землю, другие за своё мастерство. Кто-то зарабатывает перевозками, кто-то торгует тем, что удаётся вырастить или смастерить.

Он вздохнул.

– Маллфорд живёт, но уже не дышит полной грудью.

Мистер Бэйли, до сих пор молчавший, задал вопрос ровно в тот момент, когда это стало логически неизбежным:

– А владельцы шахт, полагаю, тоже покинули город?

Мэр обернулся почти с облегчением, словно ждал именно этого.

– Да, сэр. Почти все. Остался лишь мистер Эдвард Грейндж, – сказал он. – И его дочь, Элизабет.

Бэйли слегка приподнял бровь, но ничего не сказал.

– Всего в округе было три семьи, – продолжал Уикем. – Грейнджи, Харроуны и Блейкморы. Они владели всеми шахтами вокруг Маллфорда. Их поместья располагались кольцом, словно сторожевые посты.

Он махнул рукой, указывая направления.

– Харроуны уехали первыми. Затем Блейкморы. Оба рода перед отъездом передали свои дома городу. В одном мы устроили больницу и полицейский участок – иных помещений у нас просто не было. Второе поместье стало новой мэрией.

Он улыбнулся с оттенком гордости.

– Собственно, туда мы сейчас и направляемся.

Мистер Бэйли кивнул. В его молчании чувствовалась работа мысли. Три семьи. Уголь. Упадок. Отъезд двух владельцев. Один оставшийся. Город, теряющий опору и ищущий новую точку равновесия.

– Любопытно, – произнёс он наконец. – Обычно в подобных местах остаётся либо самый сильный, либо тот, кому некуда ехать.

Уикем рассмеялся чуть громче, чем требовалось.

– Хотелось бы верить, что мистер Грейндж из первых, сэр.

Бэйли не ответил. Он смотрел вперёд, на дорогу, ведущую к бывшему поместью. И Томми заметил: когда мистер Бэйли замолкал таким образом, это означало лишь одно – история Маллфорда уже начала складываться в его голове в чёткую, неумолимую схему, где каждое имя рано или поздно займёт своё место.

Они продолжали идти узкой улицей, где дома стояли так близко друг к другу, что казалось – каждый из них подслушивает разговор. Мэр шагал чуть впереди, а мистер Бэйли держался рядом, сохраняя тот самый размеренный темп, при котором мысли успевают выстраиваться в логическую цепь.

– Полагаю, – произнёс Бэйли спокойно, – раз вы решились написать мне письмо, вы знали, к кому обращаетесь. И всё же мы с вами прежде не встречались. Следовательно, о моей работе вам кто-то рассказал.

Мэр не стал притворяться удивлённым.

– Совершенно верно, сэр, – ответил он почти с готовностью. – Это всё моя дочь. Она часто бывает в столице и многое слышала о ваших расследованиях. Насколько я понимаю, в Лондейле вы уже не просто сыщик, а... – он замялся, подбирая слово, – своего рода местная знаменитость.

Он поспешно добавил:

– И поверьте, мистер Бэйли, я бы не стал беспокоить вас по пустякам.

Бэйли кивнул, словно этот ответ подтверждал уже сделанный вывод.

– А как же местная полиция? – спросил он. – Почему вы не обратились к ним?

Мэр расхохотался, и смех его прозвучал громче, чем позволяли узкие стены улицы.

– Полиция? – переспросил он, вытирая лоб платком. – У нас их всего четверо. Один не способен найти собственные рога, что ему наставила жена. Двое других большую часть времени проводят в таверне. А четвёртый... – он развёл руками, – бедняга уже совсем плох на глаза.

Он посмотрел на Бэйли с выражением почти извиняющейся откровенности.

– Работаем с тем, что есть, сэр. Других у нас, увы, нет.

Он махнул рукой в сторону площади.

– Вон, кстати, один из наших...

Мистер Бэйли остановил взгляд на фигуре полицейского, который стоял, опираясь на покосившийся забор словно на трость. Это был типичный дармоед – человек, исправно получающий жалованье и столь же исправно уклоняющийся от любой настоящей службы.

Бэйли невольно замедлил шаг и прислушался. Полицейский вёл беседу с местной старухой, сухой, сгорбленной, в

выцветшем платке.

— Говорю вам, — настаивала она скрипучим голосом, — это кража. Двух кошек у меня увели. Не сами же они ушли. Я вам точно говорю, их у меня украли!

Полицейский кивал с видом глубокой занятости, время от времени поглядывая на пустую площадь.

— Мы разберёмся, — бормотал он. — Я всё записал.

Хотя в глубине души полицейский прекрасно понимал, что кошачья натура не терпит замков и привязанностей, и что подобные создания иной раз исчезают не из-за злого умысла, а повинаясь древнему зову улиц и животным прихотям, он всё же продолжал кивать с той серьёзностью, какой обычно достаивают лишь настоящие преступления.

В следующий миг взгляд мистера Бэйли, скользнув по площади, задержался у входа в таверну. Там, на самой кромке крыльца, распластавшись на досках, лежал человек. Поза его была столь неловкой и беспомощной, будто его не уложили, а попросту выкинули наружу, как выносят пустую бочку или мешок, ставший ненужным. От воротника тянуло кислым перегаром, волосы сбились, лицо было серым и помятым, а одна рука беспомощно свисала вниз, будто даже ей наскучило изображать принадлежность к телу.

По тому, как дверь таверны была прикрыта, но не до конца, и как на пороге оставались свежие следы волочения, причина его появления здесь угадывалась без труда.

Гарольд заметил направление взгляда Бэйли и поспешил

вмешаться, словно хотел заранее обезвредить всякую мысль, которая могла бы оказаться лишней.

– Не обращайтесь внимания, мистер Бэйли, – сказал он с натянутой лёгкостью. – В самом хорошем яблоке, знаете ли, всегда заведутся черви.

Он бросил на лежащего быстрый, почти брезгливый взгляд и добавил уже тоном человека, который привык оправдывать неизбежное:

– Это наш местный пьяница, Хью Бартон. Хоть ведёт себя как свинья, но, право слово, и мухи не обидит.

Бэйли не удостоил сказанное ни словом, ни даже выражением лица. Он лишь на мгновение задержал взгляд на Бартоне, будто делал в уме короткую пометку, а затем спокойно отвернулся.

Гарольд, не получив ожидаемой реакции, неловко кашлянул, и оба они продолжили путь дальше, оставляя таверну и её бессловесного “постояльца” позади.

Гарольд, не получив ожидаемой реакции, неловко кашлянул, и оба они продолжили путь дальше, оставляя таверну и её бессловесного “постояльца” позади.

Когда дорога вывела их к церкви, из распахнутых дверей почти бегом появился отец Мэтью. Он двигался неспешно, не по-священнически, и на его лице застыло выражение тревожной решимости, словно он нёс в себе не слова, а груз, который больше нельзя было удерживать.

Он уже открыл рот, чтобы заговорить, и, судя по тому, как

дрогнули его губы, намеревался сказать нечто действительно важное. Но Гарольд, едва уловив его приближение, перебил его на полуслове.

– Отец Мэтью, сейчас не время, – произнёс он с той жёсткой вежливостью, за которой обычно прячут страх. – Давайте обсудим ваш вопрос позже.

Священник замер, будто слова ударили его по рукам. Он хотел возразить, но Гарольд уже отвернулся, ускорив шаг.

Наконец, они остановились у здания мэрии – бывшего поместья, которое всё ещё пыталось сохранить остатки бывшего достоинства. Каменные стены потемнели от времени, резные наличники лишились былой вычурности, а широкое крыльцо, когда-то рассчитанное на экипажи знатных гостей, теперь принимало лишь редких посетителей и муниципальные заботы.

Мэр словно вспомнив нечто важное, обернулся к мистери Бэйли. Его взгляд скользнул к чемодану в руках сыщика, затем – к Томми.

– Простите мою прямоту, – сказал Гарольд Уикем, понизив голос, – но я не заметил, чтобы ваш спутник нёс ваши вещи. – Он кивнул на чемодан. – Так зачем же он вам? Не расскажете?

Бэйли остановился и повернулся к нему. Его лицо оставалось спокойным, почти отстранённым.

– Юношу зовут Томми, – сказал он ровно. – И он не мой слуга.

Мэр удивлённо приподнял брови.

– У него, на мой взгляд, весьма необычная задача, – продолжил Бэйли. – Я бы назвал его моим визуальным консультантом. Художником наблюдений, если угодно.

– Консультантом? – переспросил Уикем с явным недоверием. Он перевёл взгляд на Томми, и в этом взгляде мелькнуло снисходительное презрение человека, привыкшего судить о ценности по возрасту и одежде. – Неужели такому человеку, как вы, нужен консультант? Да ещё столь юный и, смею заметить, неопытный.

Бэйли не ответил сразу. Он смотрел на мэра спокойно, будто давал тому возможность самому осознать поверхностность сделанного вывода.

– Скажите, мистер Уикем, – произнёс он наконец, – вы знаете, что такое очки?

– Разумеется, – фыркнул мэр. – За кого вы меня принимаете? Может, мы и живём в глуши, но о таких приспособлениях здесь слышали.

– Прекрасно, – сказал Бэйли. – Тогда вы знаете, что одни линзы усиливают зрение, другие меняют угол обзора, третьи отсекают лишний свет, а некоторые и вовсе окрашивают мир в иной оттенок.

Он слегка повернул голову в сторону Томми.

– Так вот, Томми для меня – именно такая линза. Он смотрит на происходящее не моими замысленными глазами. Он видит форму, пропорцию, жест и тень этого мира по-сво-

ему. Он фиксирует то, что ум, занятый логикой, порой склонен отбросить как второстепенное.

Бэйли сделал паузу.

– Я собираю факты. Томми сохраняет их облик. Вместе мы видим картину целиком.

Мэр замолчал. Его самодовольство слегка поблекло, уступив место растерянному уважению.

– Выходит... – начал он, но не закончил фразу.

– Выходит, – спокойно подвёл итог Бэйли, – что опыт без свежего взгляда очень часто бывает слеп. А я, как вы уже поняли, предпочитаю иметь при себе оба этих инструмента.

Он взялся за ручку двери мэрии.

– А теперь, – добавил он, – если вы не возражаете, давайте перейдём к делу.

– Прошу вас, – произнёс мэр с подчёркнутой учтивостью, – проходите в мою... скромную обитель.

Он распахнул дверь, и они вошли внутрь. С первого же шага становилось ясно, что это здание не принадлежит настоящему. Поместье приняло на себя роль мэрии, но так и не смирилось с ней. Здесь не перестраивали прошлое – его лишь слегка отодвинули, оставив почти нетронутым. Воздух был прохладным и неподвижным, наполненным запахом старого дерева, пыли и времени, которое не спешило уходить.

Прихожая оказалась просторной, с высоким потолком. Каменный пол был истёрт до гладкости, словно по нему годами ходили не торопясь, уверенно, в хороших ботинках лю-

дей, не знавших нужды. Вдоль стен тянулись тёмные деревянные панели, потемневшие от лет, местами растрескавшиеся. В углу стояла массивная резная вешалка, и на одном из крючьев всё ещё висел дорожный плащ – выцветший, аккуратно сложенный, будто его сняли ненадолго и так и не вернулись.

Дальше открывался главный зал. И здесь особенно остро ощущалось несоответствие. Новые письменные столы стояли неловко, как временные гости, среди тяжёлой мебели прежних хозяев. Кресла были глубокими, с высокими спинками, слишком личными для официальных разговоров. На каминной полке лежали вещи, которым здесь явно не место: серебряные карманные часы с треснувшим стеклом, табакерка с выгравированным гербом, пара перчаток, сложенных с той тщательностью, какую сохраняют лишь для вещей, к которым привыкли.

Мистер Бэйли шёл медленно. Он не осматривал дом, а скорее читал его, словно любимую книгу.

На дальней стене висел портрет. Мужчина средних лет, в тёмном камзоле, с прямой осанкой и взглядом, в котором не было ни мягкости, ни сомнений. Рама была тяжёлая, позолоченная, но потускневшая, явно давно не знавшая ухода. Под портретом стоял узкий столик. На нём – чернильница, нож для бумаги и раскрытая книга, в которой закладка была оставлена ровно посередине, словно хозяин прервался на мысли и собирался к ней вернуться. Бэйли остановился.

– Любопытно, – сказал он тихо, не оборачиваясь. – Они оставили слишком многое.

Мэр замялся.

– Простите?

– Личные вещи, – продолжил Бэйли и слегка кивнул в сторону портрета. – Портрет главы семьи. Часы. Перчатки. Книга с закладкой. Такие предметы не оставляют по небрежности.

Он медленно перевёл взгляд по залу.

– Когда люди покидают дом навсегда, они стараются не оставлять за собой отражений собственной жизни. Это... противоестественно.

Мэр прокашлялся.

– Честно говоря, – сказал он с некоторой неловкостью, – я не знаю, почему они так поступили. Когда поместье перешло в распоряжение города, всё это уже находилось здесь.

Он развёл руками.

– Мы этим не пользуемся. Всё сохраняется в прежнем виде. Никто ничего не трогает.

Бэйли повернулся к нему.

– И вас это не насторожило?

– Мы решили, что прежние владельцы просто не сочли нужным забрать старые вещи, – поспешил ответить мэр. – К тому же... – он добавил почти буднично, – они всегда могут вернуться за ними.

Эта фраза прозвучала слишком легко. Бэйли посмотрел

на портрет, затем на часы, затем на раскрытую книгу.

– Вернуться, – повторил он негромко.

Он больше ничего не сказал, но Томми заметил, как это слово задержалось в воздухе. Для мистера Бэйли эти вещи были не мебелью и не забытым хламом. Они были якорями. Знаками ухода без должного прощания. Следami людей, которые не считали своё отсутствие окончательным.

Мэр торопливо пошёл вперёд, вновь надевая маску деловитой уверенности, а Томми, проходя мимо портрета, вдруг ясно понял: некоторые дома не отпускают своих хозяев, а просто молчаливо ждут их возвращения.

Они вошли в большой кабинет, который безошибочно выдавал в себе рабочее сердце мэрии. Просторный, с высоким окном, он был обставлен строже, чем остальные помещения, но и здесь прошлое не желало уступать настоящему: на окне висела лишь одна штора, тогда как второй почему-то не было, будто её сорвали в спешке или забрали без всякого объяснения. Старый письменный стол с тёмной, отполированной поверхностью явно принадлежал прежним хозяевам, тогда как аккуратно расставленные папки и чернильницы лишь изображали административный порядок. На стенах висели карты окрестностей, пожелтевшие от времени, и несколько официальных бумаг в рамках, придававших комнате видимость законности.

Мэр Гарольд Уикем прошёл за стол, выпрямился и, сложив руки, сказал с деловитой серьёзностью:

– Итак, мистер Бэйли. Теперь, полагаю, мы можем перейти к делу. Но прежде... – он сделал паузу, – я бы хотел, чтобы вы кое-что подписали.

Он выдвинул ящик стола, достал оттуда аккуратно сложенный лист и, мельком взглянув на него, протянул мистеру Бэйли.

– Я должен быть уверен, что об этом никто не узнает, – продолжил он, стараясь говорить спокойно. – Именно поэтому я вынужден прибегнуть к подобным мерам предосторожности.

Бэйли взял бумагу и пробежал по ней взглядом. Этого было достаточно, чтобы всё понять. Стиль формулировок, тяжёлые обороты, множественные обязательства и полное отсутствие симметрии в ответственности сторон выдавали документ с первого же абзаца. Это был Акт о Сохранении Частного Порядка, составленный так, чтобы связать руки тому, кто его подпишет, и оставить свободу тому, кто его предложил.

– После того как вы подпишете этот документ, – поспешно добавил мэр, – я введу вас в курс дела.

Он уже протягивал перо. Мистер Бэйли медленно опустил лист на стол.

– Нет.

Слово прозвучало тихо, но так отчётливо, что на мгновение показалось, будто в комнате стало прохладнее.

– Простите? – переспросил Уикем, и в его голосе впервые

проскользнуло неподдельное удивление.

– Я не буду это подписывать, – повторил Бэйли.

Мэр сглотнул.

– Могу ли я узнать причину?

Бэйли поднял на него взгляд – спокойный, почти усталый, но без тени колебания.

– У вас три трупа, – сказал он ровно. – А вы пытаетесь торговаться со мной, словно мы на базаре.

Он сделал шаг вперёд.

– Вы так держитесь за своё удобное кресло, что готовы держать жителей городка в неведении. Это не просто низко. Это недостойно человека, который взял на себя ответственность за чужие жизни. Вы ведь понимаете, что своими действиями подвергаете опасности жителей Маллфорда?

Слова повисли в воздухе, тяжёлые и неотвратимые. Томми заметил, как двое охранников у двери переглянулись, а секретарь мэра, до этого неподвижный, едва слышно выдохнула. В кабинете раздался общий, сдержанный вздох – почти ахнули.

Гарольд Уикем побледнел, затем резко покраснел. Пот выступил у него на висках, лоб мгновенно заблестел, а воротник камзола потемнел от влаги. Он провёл рукой по шее, будто внезапно стало трудно дышать, и от этого движения пот стекал ещё заметнее.

Мистер Бэйли отметил это мгновенно. Для него это было не проявлением жары или волнения – это была реакция че-

ловека, чью тщательно выстроенную защиту только что пробили одним точным ударом.

Он стоял спокойно, не повышая голоса, и в этой спокойной неподвижности заключалась куда большая угроза, чем в любом крике.

– Теперь, – добавил он тихо, – вы можете либо рассказать мне правду, либо продолжать играть в молчанку. Но времени у вас на мой взгляд почти совсем не осталось.

В кабинете воцарилась тишина.

Мэр резко выпрямился и, словно спохватившись, обернулся к двери. Его обычная учтивость исчезла без следа. Он коротко, почти раздражённо махнул рукой.

– Оставьте нас.

Затем повторил, уже с нажимом, сопровождая слова резким жестом ладони в сторону выхода:

– Все. Немедленно.

Охранники переглянулись, секретарь неловко прижала папку к груди, и через несколько секунд дверь за ними закрылась. Звук щёлкнувшего замка показался в наступившей тишине чрезмерно громким.

В кабинете остались только трое. Гарольд Уикем тяжело опёрся обеими руками о край стола, будто внезапно утратил равновесие и искал хоть какую-то опору. Его плечи опустились, дыхание стало неровным. Теперь в нём не осталось ни тени самодовольного мэра – лишь человек, загнанный в угол собственными страхами.

– Как вы узнали о трупах? – спросил он хрипло. – И откуда вам известно, что их именно три?

Аластер Бэйли ответил не сразу. Он стоял спокойно, заложив руки за спину, и смотрел на Уикема с той сдержанной внимательностью, какую обычно уделяют не человеку, а тяжёлой задаче.

– Это довольно очевидно, – произнёс он наконец. – Если знать, на что обращать своё внимание.

– Очевидно? – голос мэра стал настойчивым, почти резким. – Прошу вас, объясните.

– Я и не собирался утаивать свои выводы, – спокойно сказал Бэйли. – Начнём с вашего письма.

Он слегка наклонил голову.

– Ваш почерк. Он неровен, с резкими скачками. Буквы вытянуты, но теряют устойчивость к концу строки. Это указывает не просто на тревогу, а на длительное внутреннее напряжение. Кроме того, вы допускали нетипичные разрывы между словами и пропуски в формулировках. С точки зрения графологии, подобное сочетание говорит о человеке, который чего-то боится.

Уикем побледнел.

– Вы писали не о проблеме, – продолжил Бэйли, – а скорее о бремени. И это различие весьма показательно.

Он сделал шаг в сторону окна.

– Далее – священник. Отец Мэтью.

Мэр дёрнулся.

– Когда мы шли через площадь, к вам подошёл священник. Его походка была неуверенной, он держал руки сцепленными, словно пытался удержать себя в руках. Человек, пришедший обсуждать службу, ведёт себя совсем иначе. Он уверен в своей роли и хорошо знает своё место. Отец Мэтью же, напротив, был растерян и, я бы сказал даже напуган.

Бэйли перевёл взгляд на мэра.

– Вы прервали его прежде, чем он успел заговорить. Не отказали, а именно прервали. И сделали это не из раздражения, а из страха быть услышанным. Значит, речь шла о чём-то, что не предназначалось для посторонних ушей.

Он слегка приподнял бровь.

– И уж точно не о расписании проповедей.

Уикем судорожно выдохнул.

– Священник в маленьком городке, – продолжил Бэйли, – имеет дело только с двумя вещами: грехом и смертью. Когда он растерян, а не скорбен, это означает, что смерть ещё не получила окончательной формы. Что она либо не признана, либо не названа вслух.

– И есть ещё одно, что нельзя не заметить, – продолжил мистер Бэйли тем же ровным тоном, в котором чувствовалась не холодность, а привычка раскладывать мир по полкам. – На входе в это поместье растёт старый дуб. Вы, разумеется, видите его каждый день, но сегодня вы будто специально даже не бросили на него и беглый взгляд. И я это заметил и сделал вывод будто это дерево вызывает у вас чувство

беспокойства или даже раздражения.

Он чуть повернул голову, словно и сейчас видел перед собой кривой ствол у ворот.

– Один из нижних суков был потёрт. Потёрт так, как трёт только верёвка.

Мэр невольно сжал пальцы на краю стола.

– Я мог бы, из любезности к здравому смыслу, списать это на качели, – сказал Бэйли. – Но качели всегда оставляют две борозды: верёвки на них всегда идут парой. Здесь же борозда одна. И она явна свежая. Не глубокая, но ещё светлая по древесине, с мелкой, недавно снятой корой. Значит, верёвка висела недолго, но под нагрузкой.

Он сделал короткую паузу, позволяя словам стать очевидностью.

– Из этого следует, что одно из тел нашли повешенным именно там.

Гарольд Уикем тяжело сглотнул.

– Теперь, – продолжил Бэйли, – вы хотите знать, почему я уверен, что тел было три.

Он поднял глаза на мэра и, как всегда, говорил не так, будто спорил, а так, будто учил видеть.

– Представьте себе, что у вас один труп. Что это означает? Верно, почти ничего.

Он загнул палец.

– Одиночная смерть в маленьком городке может быть чем угодно: несчастным случаем, дракой, пьянством, отчаянием,

чьей-то мезтью. Она ужасна, но ещё не формирует картину происходящего. Это просто обычное пятно, Томми.

Он загнул второй палец.

— Два трупа заставляют насторожиться, но всё ещё позволяют списать всё на совпадение. Люди любят слово «случайность», потому что оно снимает необходимость думать. Два несчастья рядом могут быть связаны, а могут и нет. Две точки ещё не становятся линией. И люди всегда хотят верить в случайность, потому что так им намного спокойнее.

Он загнул третий палец и сделал это медленнее, будто именно здесь начинается главное.

— Но три трупа уже не точки. Это уже рисунок. Три смерти в одном городке, в короткий промежуток времени, это закономерность, которую невозможно развидеть, как бы вы не хотели.

Аластер слегка наклонился вперёд.

— И вот тут вступаете вы, мистер Уикем. Если бы дело было в одной смерти, вы бы велели местным полицейским делать вид, что они работают, и надеялись бы, что всё само собой уляжется. Если бы было два трупа, вы бы, скрепя сердце, всё равно пытались сохранить спокойствие: не потому что вы бессердечны, а потому что вы мэр и знаете цену панике.

Он смотрел на мэра пристально, но без злобы.

— Но при трёх вы уже не можете прятаться за словом «несчастье». Вы начинаете видеть узор. И тогда вы делаете то единственное, что может сделать человек на вашем месте:

пишете тому, кто способен этот узор прочесть.

Аластер Бэйли не стал делать паузы, он просто добавил ещё один камень в уже выстроенную конструкцию.

– И ещё кое-что, – сказал он спокойно, почти буднично, – что, на мой взгляд, имеет решающее значение. Все три тела не принадлежат местным жителям.

Мэр едва заметно вздрогнул.

– В таком городке, как Маллфорд, – продолжил Бэйли, – исчезновение даже одного человека становится предметом разговоров. Двух – тревогой. Трёх – навязчивым страхом, который обсуждают в таверне, на рынке и у дверей церкви. Но я не услышал ни единого слуха. Ни шёпота. Ни даже намёка о случившемся.

Он медленно перевёл взгляд на документ, лежащий на столе.

– А ваше желание заставить меня подписать этот акт, – он указал на бумагу, – лишь подтверждает моё предположение. Вы боитесь не утечки истины, а её появления. Следовательно, о смертях знает крайне узкий круг лиц.

Он загибал пальцы неторопливо.

– Те, кто обнаружил тела. Священник. Местные полицейские. Работники больницы. И, разумеется, вы.

Мэр слушал, не перебивая. Его лицо было неподвижно, будто он ждал, когда приговор будет произнесён до конца. Бэйли заметил это и кивнул, словно признавая ожидание.

– Я закончил, – сказал он просто.

В кабинете повисла тишина. Гарольд Уикем медленно протянул руку, взял со стола документ и несколько секунд смотрел на него, будто решая, достоин ли он ещё существовать. Затем начал рвать – не резко, а скорее аккуратно, методично, на мелкие полосы, пока бумага не превратилась в бесформенную грудку обрывков.

После этого он сел, потянулся к графину и стал пить прямо из него, жадно, не отрываясь. Вода пролилась на подбо-родок и жилет, но он не обратил на это внимания. Закончив, он вытер рот рукавом, как человек, которому больше не до внешнего вида.

– Значит, – сказал он наконец, – слухи о вас, что мне рассказывала дочь, несколько не преувеличены.

Он поднял глаза.

– Это радует.

Мэр сделал короткую паузу, затем продолжил уже тише:

– Всё именно так, как вы сказали. Трупов действительно три. И все трое были убиты одним и тем же способом. Повешены.

Аластер Бэйли резко поднялся. В нём не было суеты, но движение было стремительным и точным. Он подошёл к старой карте окрестностей, висевшей на стене, и поднял руку.

– Тогда позвольте мне угадать остальное, – сказал он.

Он коснулся пальцем первого места.

– Первый – здесь. Неподалёку от владений Грейнджей.

Затем второго.

– Второй – у бывшего поместья Харроунов.

И, наконец, третьего.

– А третий – возле дома Блейкморов, то есть на том самом дубе, что я видел на входе.

Он обернулся. Мэр молча кивнул.

– Именно так, мистер Бэйли. Тела были найдены ровно в этих местах.

Мэр долго молчал, глядя на карту, словно надеялся, что линии и отметки изменятся сами собой. Затем медленно поднял взгляд на Аластера Бэйли.

– Ну что ж... – произнёс он наконец. – Так вы согласны взяться за это дело, мистер Бэйли?

Бэйли ответил без колебаний:

– Разумеется. Но у меня будет несколько условий.

Уикем напрягся, однако кивнул.

– Я слушаю.

– Первое, – сказал Бэйли спокойно, – мне нужен полный доступ ко всем торговым операциям, связанным с городом. Поставки, договоры, долги, отгрузки, старые и новые счета. Всё, что движется, продаётся или исчезает.

Мэр поморщился, но промолчал.

– Второе, – продолжил Бэйли, – беспрепятственный доступ ко всем административным зданиям и территориям. Включая полицейский участок и больницу, где, как я полагаю, сейчас находятся тела.

– Это... выполнимо, – осторожно сказал Уикем.

Он выдохнул и, словно готовясь к худшему, спросил:

– А третье?

Бэйли посмотрел на него внимательно.

– Самое важное, – произнёс он. – Вы соберёте всех жителей Маллфорда на главной площади и расскажете им о случившемся. Без прикрас и без умолчаний.

Мэр резко потянулся к графину, снова стал пить прямо из него, на этот раз не жадно, а почти машинально. Поставив графин, он сказал хрипло:

– Первые два условия я выполняю. Хотя с торговыми делами будут трудности... но, полагаю, решаемо.

Он сделал паузу.

– Но третье... – Уикем покачал головой. – Вы вообще осознаёте, что тогда начнётся? В нашем городке сроду никого не убивали. А тут сразу три смерти. Люди запаникуют. Начнутся слухи, паника и не дай бог забастовки.

– Мне безразлична их паника, – спокойно сказал Бэйли. – И ваши страхи тоже.

Мэр вздрогнул.

– Людям нужна правда, – продолжил Бэйли. – Когда они знают, что происходит, они становятся осторожнее. А сейчас осторожность – единственное, что может спасти их жизни.

Он сделал шаг ближе.

– И, разумеется, вы объявите о введении комендантского часа.

– Нет, – резко ответил Уикем. – На это я пойти не могу.

Бэйли кивнул, словно слышал именно то, что ожидал.

– В таком случае, – сказал он ровно, – желаю вам удачи в расследовании.

Он повернулся к Томми.

– Пойдём.

Томми без слов шагнул следом. Уикем остался сидеть за столом, с пустым графином перед собой и картой на стене, которая вдруг показалась ему куда более тесной, чем прежде.

Они вышли из здания бывшего поместья Блейкморов, и тяжёлая дверь мэрии закрылась за ними с глухим, окончательным звуком. Снаружи их встретил дневной свет и привычная для Маллфорда неспешная жизнь, словно внутри только что не решалась судьба всего городка.

Они направились к центру, к главной площади, Фэйр Граунд. Аластер Бэйли шёл ровно и спокойно, с тем редким видом человека, который уже сделал все необходимые выводы и теперь лишь ждёт, когда события догонят логику. Его шаг был нетороплив, плечи расслаблены, взгляд – собранный, но рассеянный, будто он мысленно перебирал варианты будущих ходов.

Томми, напротив, заметно нервничал. Он то и дело оглядывался, сжимал пальцы, хмурился. Услышанное в кабинете мэра не давало ему покоя, и молчание стало для него невыносимым.

– Вы действительно хотите уехать? – наконец спросил он. – И отказаться от расследования?

Бэйли бросил на него беглый взгляд, почти рассеянный.
– Конечно нет, – ответил он спокойно.

Томми облегчённо выдохнул, но тут же нахмурился снова.

– Тогда зачем всё это? – спросил он. – Зачем было так резко обрывать разговор?

– Потому что мне нужно, чтобы мэр объявил о случившемся, – сказал Бэйли так, будто говорил о погоде.

– Не расскажете зачем? – осторожно поинтересовался Томми.

Бэйли чуть усмехнулся, но в этой улыбке не было ни легкомыслия, ни иронии.

– У меня есть одна гипотеза, – ответил он. – Но пока рано раскрывать все карты.

Они уже почти вышли на площадь. Томми задумался на мгновение и задал следующий вопрос:

– Так вы думаете, мистер Уикем в итоге согласится на ваши условия?

– У него нет выбора, – ответил Бэйли. – Он уже не в том положении, чтобы торговаться. Обычно переговоры заканчиваются, когда страх перевешивает жажду власть.

Он остановился на мгновение, окинул взглядом площадь и кивнул в сторону таверны с покосившейся вывеской.

– А теперь, Томми, – добавил он с неожиданной лёгкостью в голосе, – пойдём отведаем местной стряпни. Я заметил на площади таверну и искренне надеюсь, что у них найдётся яблочный пирог. После подобных разговоров он спо-

собен заметно улучшить настроение.

Томми посмотрел на него с удивлением, затем улыбнулся. Таверна стояла у самой кромки площади, будто нарочно выставляя себя напоказ. Низкое здание с тяжёлой, перекошенной дверью и выцветшей вывеской, на которой едва угадывался когда-то нарисованный кувшин, выглядело так, словно держалось на одном упрямстве и привычке. Изнутри тянуло тёплым, густым запахом дыма, кислого эля и подгоревшего жира.

Бэйли толкнул дверь, и она отозвалась протяжным скрипом, каким обычно предупреждают о чужаках.

Внутри было сумрачно. Свет проникал скупо – через маленькие, мутные окна, да от нескольких свечей и масляных ламп, расставленных без всякой системы. Потолок был низким, закопчённым, балки почернели от дыма так, будто веками впитывали в себя человеческие разговоры, ругань и усталость. Пол был неровный, липкий в некоторых местах, щедро посыпанный соломой, которая давно перестала быть свежей.

Людей было немало. За длинными, грубо сколоченными столами сидели фермеры с огрубевшими руками и лицами, потемневшими от солнца и ветра. Их одежда была простой, заштопанной, пропахшей землёй и потом. Кто-то пил молча, уткнувшись в кружку, кто-то говорил в полтора голоса, не глядя на собеседника. В углу двое мужчин играли в кости, споря хриплыми, усталыми голосами. У стойки стояла жен-

щина средних лет, с красными от постоянного жара руками, и молча вытирала глиняные кружки тряпкой, которая давно уже не была чистой.

Разговоры притихли почти сразу. Не резко – здесь не умели делать что-либо резко, – но достаточно заметно. Несколько взглядов скользнули в сторону вошедших. В Маллфорде редко появлялись незнакомцы, и каждый новый человек воспринимался как событие, требующее молчаливой оценки.

Бэйли чувствовал это, но не придавал значения. Он шёл спокойно, будто подобные взгляды были для него столь же привычны, как неровная дорога под ногами. Томми же невольно сжался и держался ближе к нему.

Они заняли место у стены, где стоял узкий стол, потёртый до серого цвета. Скамья под ними скрипнула и едва заметно качнулась.

К ним подошёл хозяин таверны – коренастый мужчина с тяжёлым животом, заросшим лицом и усталыми глазами. Его фартук был заляпан пятнами, происхождение которых лучше было не уточнять.

– Чего изволите? – спросил он без особого интереса.

– Эль, – сказал Бэйли. – Одну кружку. И яблочный пирог. Он на мгновение задумался, затем добавил:

– Что у вас сегодня из горячего?

– Фирменная баранья похлёбка, – ответил хозяин. – С утра на огне стоит.

– Прекрасно, – сказал Бэйли. – Тогда две порции похлёб-

ки. К каждой по два больших куска хлеба. И ещё большую кружку компота.

Хозяин кивнул, будто записывать здесь было не принято, развернулся и ушёл, не задавая лишних вопросов. Томми наконец выдохнул.

– Они на нас смотрят, – прошептал он.

– Это нормально, – спокойно ответил Бэйли. – В подобных местах люди смотрят на чужаков, только потому что больше им смотреть не на что.

Пирог принесли быстро. Он был простым, грубым на вид, с неровной коркой и густой, сладковато-кислой начинкой. Эль оказался мутным, с тяжёлым запахом брожения. Бэйли отломил кусок пирога, попробовал и едва заметно кивнул.

– Неплохо, – сказал он. – Я думал в подобных местах хороший пирог это редкость.

Постепенно разговоры в таверне возобновились, но уже тише. Люди время от времени бросали взгляды в их сторону, оценивая, прикидывая, запоминая. Кто-то шепнул что-то соседу. Кто-то отвернулся слишком поспешно.

Хозяин вернулся с пивом, поставил кружку на стол так, что пена вздрогнула и поползла по краю. Через минуту он принес компот, густой и темный, в большой глиняной кружке, от которой пахло сушеными яблоками и чем-то терпким. Потом появилась похлебка, дымящаяся, тяжелая, с плавающими кусками мяса и серыми кореньями. Хлеб был свежий только по меркам Маллфорда, корка твердая, а мякиш влаж-

ный.

Томми ел почти молча, хотя руки его дрожали от тревоги. Бэйли ел медленно, размеренно, и в этом было что-то упрямое, словно он намеренно демонстрировал всему залу простую истину: страх не должен управлять ни желудком, ни головой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.